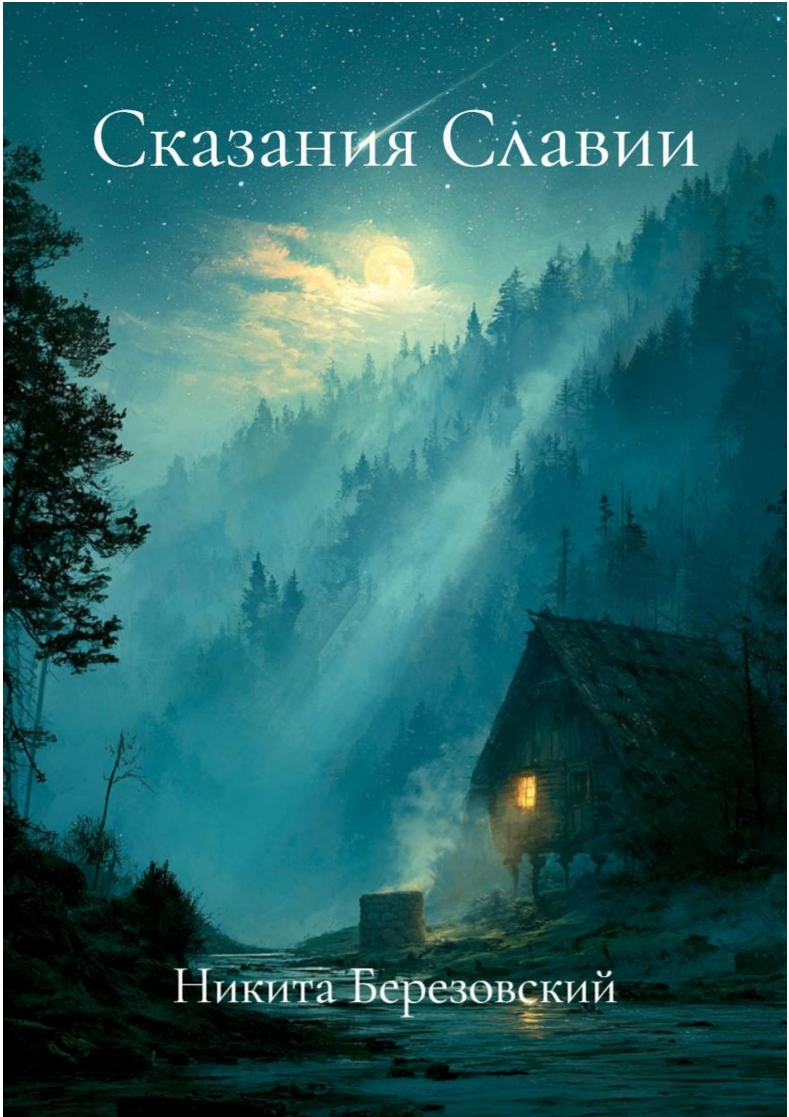
Сказания Славии
Никита Березовский

Никита Березовский
Сказания Славии

https://litres.ru/74887362
SelfPub; 2026

Аннотация

«Сказания Славии» —добрые и мудрые сказки, которая одинаково тепло ляжет и на детскую душу, и на взрослое сердце.

Эта книга — как русская печь: она согревает, успокаивает и даёт силы. Она о том, что в каждом из нас есть что-то от древних богов — и что даже обычный плотник может спасти мир, если у него есть топор и любовь к близким. Она напоминает, что тьма — она только внешняя, внутри нас всегда есть свет, и этот свет передаётся по наследству, как ремесло, как имя, как песня, которую поют на ночь детям.

Читайте её с детьми — они узнают, что такое смелость, дружба и честность. Читайте её в одиночестве — вы вспомните, что такое дом, что такое родная земля и что такое бесконечная, удивительная, иногда страшная, но всегда прекрасная жизнь.

«Сказания Славии»— не просто книга. Это приглашение в мир, где деревья говорят, реки помнят, а доброта всегда находит дорогу домой.

Содержание

Анотация 4
О мире Славия 5
Сказка 8
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Сказания Славии

Анотация

«Сказания Славии» —добрые и мудрые сказки, которая одинаково тепло ляжет и на детскую душу, и на взрослое сердце.

Эта книга — как русская печь: она согревает, успокаивает и даёт силы. Она о том, что в каждом из нас есть что-то от древних богов — и что даже обычный плотник может спасти мир, если у него есть топор и любовь к близким. Она напоминает, что тьма — она только внешняя, внутри нас всегда есть свет, и этот свет передаётся по наследству, как ремесло, как имя, как песня, которую поют на ночь детям.

Читайте её с детьми — они узнают, что такое смелость, дружба и честность. Читайте её в одиночестве — вы вспомните, что такое дом, что такое родная земля и что такое бесконечная, удивительная, иногда страшная, но всегда прекрасная жизнь.

«Сказания Славии»— не просто книга. Это приглашение в мир, где деревья говорят, реки помнят, а доброта всегда находит дорогу домой

О мире Славия

Дорогой читатель, я хочу поведать тебе о мире Славия — о том, который лежит за гранью нашего обыденного слуха, за мельканием электрических огней и гудением машин. О мире, где колодезные журавли скрипят на заре, а в их отражении можно увидеть небо небес — то самое, куда уходят души предков. Где реки текут не просто по руслам, а по жилам земли-матушки, и в каждой из них живёт свой хозяин — то ли мудрый старец с лягушачьей кожей, то ли дева с распущенными волосами, манящая путников на дно.

Этот мир называется Славия — не потому, что он славянский в том узком смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово. Он славный. Он полный славы — той древней, забытой, которая живёт в узорах вышивки, в резьбе на наличниках, в песнях, которые поют бабки на посиделках, не замечая, что слова их песен старше, чем камни. Здесь солнце — это колесо Сварога, которое катится по небу, и каждый его поворот — это новый день, новая битва света с тьмой. Здесь луна — это щит, который Велес забыл в ночи, и поэтому ночью на землю падают тени, а в них прячутся те, кого мы называем нечистью. Но нечисть — это не зло, как вы могли бы подумать. Это другая жизнь. Иная, не похожая на нашу, но имеющая право быть.

Представьте себе огромный континент, перевёрнутый ду-

бовым листом. На севере — ледяные воды Окияна, где в туманах прячутся корабли викингов, которые заплыли слишком далеко и теперь вечно ищут выход в Явь. На востоке — Рипейские горы, каменный пояс земли, где Сварог куёт звёзды, а дивьи люди — подземная чудь — добывают самоцветы, которые потом становятся оберегами. На юге — ковыльные степи с горой Алатырь, белым камнем, от которого текут молочные реки. А на западе — гнилые болота, где живёт Болотный царь, старый и злой, который не любит никого, даже самого себя.

И в центре этого мира, в самой его сердцевине, лежат земли, покрытые Великим лесом. Лес этот — не просто деревья. Это живые существа, с корнями, уходящими в Навь, и кронами, касающимися Прави. Здесь каждый дуб помнит Перуна, каждая берёза хранит в своей коре девичьи слёзы, а осина дрожит от каждого прикосновения, потому что на ней был повешен Иуда — хотя, если честно, в Славии нет Иуды, есть просто тень чужой веры, пришедшей из-за моря и оставившей на осине свой след, который до сих пор не даёт ей покоя.

Мир Славии — он не терпит покоя. Он требует, чтобы его герои проходили через испытания, теряли и обретали, умирали и воскресали в душах тех, кого любят. Потому что в этом мире нет вечного счастья — есть вечная борьба. И только через борьбу человек становится человеком — не просто существом, которое ест, пьёт и умирает, а носителем духа, который продолжается в детях, внуках и в вырезанных чу-

рах, которые смотрят на нас из красного угла деревянными глазами.

Итак, я приглашаю вас в путешествие. Садитесь у печи, налейте себе чаю с мёдом (в СЛлавии пьют только такой) и приготовьтесь слушать. Это будет история о страхе и надежде, о том, что даже в самых тёмных временах — когда река Смородина чернеет, а по ночам трещат кости мертвецов — есть место для любви. Для той любви, которая не кричит, не бьётся в груди, а просто есть. Как воздух. Как огонь в печи. Как дыхание родного человека рядом.

Страницы этой книги пахнут деревом, смолой и мёдом. Переворачивайте их медленно, чтобы не спугнуть духов. И помните: там, за Чёрным Бором, всегда есть кто-то, кто ждёт вас. Или охотится на вас. Но это уже — начало нашей истории.

Сказка
Навь у порога

Гл. 1 Полночь на калиновом мосту

В одном из лесов Славии, на самой опушке, где река Смородина встречается с сушей, стоит село Осиново. Небольшое, в три десятка дворов, с бревенчатыми избами, крытыми дранкой, с голубым дымом, который поднимается к небу ровными столбами. В Осинове живут плотники, кузнецы, охотники и знахарки. Не знатные, не богатые — простые люди, которые помнят обряды, чтят предков и знают, что после заката нельзя ходить без топора, потому что железо — единственное, что слышит нечисть и пугает её.

Село это выглядит одновременно уютно и тревожно. Летом — тонет в зелени, и только резные коньки крыш выглядывают из листвы, как головы сказочных зверей. Зимой — утопает в снегу по самые окна, и огонь в печах горит круглые сутки, потому что в Осинове знают: зима — время, когда Навь ближе всего к Яви, и нужно зажигать свечи, чтобы мёртвые не заблудились и не вошли в дом живых.

На околице — осиновые колья, вбитые в землю через каждые две сажени. На воротах — знак Алатыря, вырезанный из старого дерева и окроплённый святой водой. У каждого дома — красный угол, где стоят чуры — деревянные фигурки

предков. Они не иконы, нет. Они — живые. По крайней мере, так говорят старожилы. Чуры видят всё, что происходит в доме, и если кто-то из семьи заболевает или умирает, они наклоняются — чуть-чуть, на волосок, но заметно для тех, кто умеет смотреть.

В Осинове живёт свой колдун — бабка Ульяна, которую боятся и уважают. Она знает все травы, все заговоры, и даже Леший иногда приходит к ней за советом — говорят, он помнит её ещё девочкой, когда она играла на поляне и не боялась его зелёных глаз. Она принимает роды, заговаривает зубы, отводит сглаз и провожает умирающих в Навь — последней дорогой, через Калинов мост, который виден только тем, кто готов перейти.

Именно в это село, много лет назад, пришёл Марк — молодой плотник, сильный, с руками, которые умели не только рубить избы, но и держать топор против нечисти. Он не знал, что его судьба будет связана с какой-либо нечестью. Он просто жил, работал и любил девушку по имени Ведана, дочь старосты Гундосого, которая умела шить рубахи так, что они защищали от сглаза лучше любой кольчуги.

Деревня Осиново спала тревожно. Даже собаки не лаяли – они сбивались в кучи у теплых печей и поджимали хвосты, чуя то, чего человек не слышит: скрип половиц в пустых избах, шорох за околицей, тяжелый мокрый воздух из-под земли.

Марк, молодой плотник, вернулся из лесу затемно. Топор

он не положил – держал на плече, и лезвие смотрело в небо, как месяц. В Осинове знали: после заката никто не ходит без железа. Тот, кто идет с пустыми руками, может встретить того кто руки откусит.

— Марк – окликнули его от калитки. Старуха Марфа, сгорбленная, в трех платках, даже летом не снимала их – боялась сквозняков для ушей. – Ты бы пошел к юаюке Ульяне. Свечу ей принес. Воск то я просыпала, дура старая.

Марк остановился. Свечи из черного воска – единственное, что жгли на Коляду и Купалу. Без них души предков не найдут дорогу к красному углу. А без предков – дом пуст, как гроб.

— Принес, — буркнул он и полез за пазуху. Там, в холщовом мешочке, лежали три толстые свечи, литые в форме усеченных пирамид. В их состав входили медвежий жир, пепел осиновых веток и, самое тайное, капля крови мастера. Говорили, что такие свечи горят ровно девять ночей и гаснут только если нечисть вошла в дом.

— Бабка Ульяна хворает, — добавила Марфа. – Ночью не встала. А перед окнами у ей …. топот. Будто кто-то бегает на четвереньках, да не собака.

Марк перекрестился двуперстно – старым обычаем, который волхвы велели, а попы проклинали. В Осинове волхвов слушали.

— Схожу, — сказал он и пошел через улицу, перепрыгивая лужи, в которых вместо звезд отражались чьи-то желтые

глаза.

Изба бабки Ульяны стояла на отшибе, у самого леса. Сруб из темного дуба, крытый дранкой, которая давно почернела и местами провалилась. Но главное- на коньке крыши торчал громовой знак: колесо с шестью спицами, обвязанное красной шерстью. Это защита от молний Перуна, но больше – от летучих навий, которые на грозе слетаются на высокие места.

Марк толкнул дверь. Она не была заперта, в Осинове замки не запирали, потому что замок не спасет от того, кто умеет проходить сквозь щели. Внутри пахло сушенными травами, дегтем и чем-то сладковатым, как от прошлогодних яблок, которые начали гнить.

— Баба Ульяна? – окликнул он ее.

Тишина. Печь дышала жаром, но это было не тепло – липкое, тревожное тепло, от которого потеют ладони. Марк шагнул в горницу и сразу заметил: красный угол пуст. Обычно там стояли куклы-чуры – резные столбики с лицами пращуров. Сейчас от них остались только щепки. Кто-то их разломал.

Он достал свечу, чиркнул огнивом. Кремень дал искру, свеча вспыхнула черным, почти невидимым пламенем, но Марк знал: жар от нее убивает нечисть на расстоянии локтя.

— Бабка, отзовись.

Из-за печи донесся звук. Сначала Марк подумал -кот царапает половицу, но звук был другим: мокрым, хлюпающим,

будто кто-то высосал мозг из кости.

Он обошел печь. Бабка Ульяна лежала на спине, глаза открыты, но зрачки закатились под веки. Рот открыт. На груди – сине-черный след. Не ушиб. Это была метка, такую ставят упыри, когда решают вернуться за жертвой на третью ночь.

— Чур меня, чур – прошептал Марк и ткнул свечой прямо в след.

Воск зашипел, из-под кожи повалил дым. Бабка дернулась, захрипела и резко села, как кукла на нитке, но глаза ее уже не были мертвыми – они стали ясными, испуганными.

— Марк, — сиплым голосом сказала она, хватая его за рубаху. – Он приходил. Безликий. Я зачуралась, а он … он через порог перешагнул. Ему не помеха ни железо, ни святая вода. Ему нужна не кровь. Ему нужна смерть. Чужая смерть, чтобы родиться заново.

— Что за Безликий? – спросил Марк, хотя уже догадывался.

— Кощеев посланец. Тот, кто крадет имена. Если назовешь его по имени – он войдет в тебя, если не назовешь – он вырежет язык. Он был здесь, спрашивал про Калинов мост, про свечу, что никогда не гаснет – сказала Бабка Ульяна.

Наутро Марк собрал сход. Мужики пришли с топорами и рогатинами, бабы-с серпами, обращенными острием вниз (так, по поверью, можно «косить» нечисть, как траву). Староста Гундосый – прозвище он получил из-за гнусавого голоса после того, как ему в детстве медведь сломал нос- встал

на крыльцо, осмотрел люд и сказал:

— Говори, плотник – велел он.

Марк рассказал про Безликого. Про то, что бабка Ульяна чудом отошла от состояния полусмерти, но ее дом теперь поганый и его надо сжечь. Про то, что посланец этот от самого Кощея и ищут они Негасимую свечу.

— А что это за свеча? – спросил молодой кузнец Завид. Стоявший весь в саже, руки в мозолях, но голос звонкий.

— Сказывали старики, — ответила знахарка Меланья – есть свеча, которую зажёг сам Сварог в начале времен. Горит она в Китеж-граде, на дне озера Светлояр. Ее огонь – это кусочек Алатыря, белого горюч-камня, кто той свечой осветит свой путь – увидит Правь и сможет убить любого бога или воскресить любого мертвяка.

— А Кощею зачем? – спросил кто-то из толпы.

— Кощей уже Бессмертный – раздался хохот

— Бессмертный, да не вечный, — поправила Меланья. – Его смерть в игле, а если он добудет Негасимую свечу – он сможет переплавить свою иглу в новый светильник и зажечь его вместо солнца. Наступит Вечная Навь. Все станем Навиями.

Мужики да бабы зашумели, гул стоял на весь двор. Гундосый поднял руку.

— Что нам до Кощея? До нас не дойдет. Мы – Осиново, тьфу его на лево, край земли. Пусть князья в Корень-граде воюют.

— Уже дошло, — тихо сказал Марк. – Бабку Ульяну чуть не убили. И не просто так. Она – единственная, кто знал дорогу к озеру Светлояр. Ей ее мать сказывала, а той – бабка. Дорога через Черный Бор, мимо Лысой Горы, по Калинову мосту.

— И ты хочешь, что бы мы пошли? – Гундосый сплюнул. – Ты, плотник, безлошадный?

— Я хочу, чтобы вы дали мне троих мужиков и лодку. Я пойду в Корень-град к волхву Сварожичу, он знает, как остановить Безликого и как защитить свечу.

Долго спорили, в конце концов вызвались: Завид – кузнец (у него был железный амулет, выкованный в ночь на Купалу, считался сильным оберегом), да двое охотников – братья Молчун и Свет. Лодку дали долблённую из осины, так как осину нечисть не любит, но плыть на ней – значит, чуть ли не напрашиваться, чтобы киль с гнил.

Отплыли на закате. Потому что днем по Смородине плыть нельзя – река эта течет их Нави в Явь и в полдень из нее выходят Мавки, а ночью – спокойнее. Только ветер и редкие всплески.

Марк сидел на корме, правил длинным шестом. Вода была черной, как дёготь и в ней не отражались звезды. Словно река не существовала для неба.

— Марк, правда, что в Смородине вместо рыбы – утопленники? – спросил Молчун, который вопреки прозвищу любил поговорить.

— Не утопленники, — ответил Марк- Берегини утопших. Они не злые, они только забирают тех, кто сам упал, а кто полез спасать – отпускают, не трогают.

— А я слышал, — встрял в разговор Свист, — я что здесь живет Водяной с серебряной чешуёй. Он топит плоты и требует выкуп. Если не дашь-затянет в омут и будешь на дне сидеть, на цепях и лягушек ловить.

— Да замолчи ты, — рявкнул Завид – И без тебя жутко.

Тут лодка дёрнулась. Не от шеста, а снизу, будто кто-то огромный потянул за днище. Марк вскинул топор. Вода вспучилась и из нее показалась голова не человеческая – лягушачья, но размером с бочку. Глаза желтые с вертикальными зрачками.

— Выкуп, — прорычало оно. – Давайте мне красную девицу или белого петуха.

— Нету у нас девиц, — ответил Марк – А петуха дать можем. Завид, давай.

Кузнец полез в мешок, вытащил связанного петуха. Водяной выбросил длинный как кнут, липкий язык, схватил петуха и утянул в глубину. Лодка перестала дёргаться.

— Быстро гребите – скомандовал Марк – До Калинова моста осталось часа два.

Калинов мост – это не мост в человеческом понимании, это переправа из истлевших жердей перекинутых через бездну. Бездны не видно – она скрыта туманом, который пахнет гнилью и медом одновременно. По краям моста – огромные

камни, вырезанные не рукой человека. Руны шевелятся, переползают, как черви.

— По одной стороне идем, — сказал Марк. – Не глядите вниз. Если глянете – увидите свой смертный лик и упадете.

Они вылезли из лодки на берег, где трава была серой. Мост ходил ходуном. Свист перекрестился. Молчун зажмурился и пошел наощупь, как слепой.

Первый шаг -ничего.

Второй — показалось, что кто-то дышит в затылок.

Третий – Завид вскрикнул: его сапог провалился между жердей, и он увидел внизу не тьму, а лица. Тысячи лиц, все с закрытыми глазами. Мертвые князья, утопленницы, самоубийцы. Они шевелили губами, но не издавали звука.

— Не гляди! – крикнул Марк, выдернул его за пояс и потащил.

Они бежали, под ногами трещало, мост раскачивался, из тумана вылетали мелкие бесы – они щипали за уши, дергали за волосы, шептали: — «Вернись, вернись, ты уже мертв, просто не знаешь».

Марк взмахнул топором. Бес рассыпался в золу. Еще шаг и нога ступила на твердую землю. За ним остальные.

Они стояли на другом берегу. Перед ними раскинулся Черный Бор.

Войти в Чёрный Бор просто – достаточно сделать шаг. А выйти — нет. Деревья здесь росли корнями вверх, а ветвями вниз. Мох свисал с веток, как седые космы. Воздух был

тёплым и влажным, как в бане, и с каждым вдохом в лёгкие залетали мелкие споры — они прорастали в бронхах, если долго дышать.

— Леший, — прошептал Завид. — Он здесь.

И Леший пришёл.

Сначала они услышали треск сучьев. Потом — хруст, будто кто-то выдирал дерево с корнем. Потом из чащи вышел… он. Ростом с сосну, но мог сжаться до кузнечика. Одежда — вывернутый кафтан из берёсты, шапка из совиных перьев. Вместо лица — пустота. Вернее, лицо было, но оно менялось: то морда лося, то человечий лик с зелёной кожей, то просто гладкое пятно.

— Люди, — сказал Леший голосом, похожим на скрип тележного колеса. — Идёте к Светлояру? К свече? А знаете, что Кощеев человек уже там? Он не один. С ним навии — полчища. И Морена ему помогает.

— Зачем Морене Кощей? — спросил Марк, не опуская топора.

— Чтобы загасить солнце, дурак, — Леший фыркнул, и из его ноздрей вылетели мокрицы. — Морена хочет вечную зиму. Кощей — вечную тьму. Вместе они украдут Неугасимую свечу, погасят её, и наступит Конец Всего. А потом передерутся уже за трон. Но это вас не касается, вы сдохнете раньше.

— Пропусти нас, — сказал Марк. – Мы должны… .

Леший наклонился. Его пустое лицо зависло в двух верш-

ках от лица плотника.

— Должен? — переспросил он. — А что ты мне дашь? За проход через мой бор платят. Или кровью, или памятью.

— Возьми память, — быстро сказал Свист. — Только не кровь.

— Молчи, – оборвал Марк. — Память дороже крови. Без памяти ты — как младенец. Забудешь, как жену зовут, как домой вернуться.

— Я заплачу, — неожиданно вызвался Молчун. — Я и так мало говорю. Пусть забирает мои слова. Все слова, что я знаю. Стану немым по-настоящему. Только пропустите их, меня не трогайте.

Леший обрадовался. Протянул руку — из пальцев выросли корни. Они обвили голову Молчуна, вошли в уши. Охотник дёрнулся, захрипел, а потом обмяк. Когда корни убрались, он открыл рот — и не издал ни звука. Лицо было спокойным, но пустым. Он забыл, как говорить. Но память о жене и доме осталась.

— Проходите, — Леший исчез, превратившись в пенёк. Бор расступился, открыв тропу, усыпанную костями.

***

Тропа, что проложил Леший, вела через Чёрный Бор ровно столько, сколько нужно, чтобы у путника вскисла кровь от страха. По обе стороны лежали человеческие кости — не просто разбросанные, а уложенные со смыслом. Черепа

смотрели в сторону тропы пустыми глазницами, и у каждого на лбу был вырезан знак: то ли руна, то ли имя умершего. Марк насчитал двенадцать черепов. Потом сбился.

— Марк, — прошептал Завид. У кузнеца тряслись руки, даже железный амулет на груди звенел мелкой дрожью. — Ты видишь, что на костях написано?

— Не смотри, — ответил плотник, хотя сам смотрел.

На бедренной кости, торчащей из земли, было вырезано: «Здесь лежит Свист, который звал брата, но брат не пришёл». Свист — тот, что шёл позади, вздрогнул и наступил на другую кость. На ней: «А здесь лежит Свист, который побежал и упал».

— Это не мои кости! — крикнул охотник. — У меня имя другое!

— У Лешего имя — как глина, — сказал Марк. — Он может вылепить из твоего имени всё, что захочет. Иди дальше.

Они ускорили шаг. Тропа петляла между стволами, которые росли вверх ногами, и раздвоенными корнями цеплялись за подолы одежды. В какой-то момент Завид задел плечом берёзу — и дерево закричало. Не скрипнуло, а именно закричало высоким бабьим голосом: «Помогите, режут!».

— Это берегиня в берёзе, — объяснил Марк, хотя сам побледнел. — Её убил Леший, когда она пыталась вывести путников из бора. Теперь она живёт в дереве и кричит, чтобы люди сворачивали с тропы.

— А если свернуть?

— Тогда корни сожрут. Быстро. Как черви яблоко.

Они не сворачивали. Через час (или через день — в бору время текло иначе) тропа кончилась. Перед ними открылась поляна. Посреди поляны стоял алтарь. Обычный камень, плоский, покрытый чёрными подпалинами. Рядом — груда петушиных перьев и лужица засохшей крови.

— Здесь приносят жертвы, прежде чем идти к Светлояру, — сказал Марк. — Мы опоздали. Кто-то уже принёс.

Он подошёл к алтарю, тронул перья. Они были тёплыми.

— Сегодня утром, — выдохнул он. — Безликий здесь прошёл.

За поляной лес кончился внезапно, как ножом отрезали. Сразу начался спуск в низину, а в низине лежало озеро Светлояр. Оно было круглым, как тарелка, и вода в нем – не черной как в Смородине, а неестественно прозрачной. Сквозь нее можно было разглядеть дно на глубине в два человеческих роста. А на дне – город.

Китеж-град не был руинами. Он стоял целым: терема с резными коньками, купола деревянных храмов, мостовые из плах, даже колодезные журавли. Всё это покоилось на иле и водорослях, но не гнило. Окна светились тусклым золотым светом — тем самым, что источала Неугасимая свеча.

— Как мы туда попадём? — спросил Завид. — Вода холодная, до дна глубоко, а плавать я не умею.

— Не надо плавать, — ответил Марк. — Надо знать заветное слово.

Он подошёл к берегу, где из воды торчал старый, почти полностью затонувший плот. На плоту лежала дощечка с рунами. Марк прочитал их вслух, как учила его когда-то бабка Ульяна (пока не утратила память от удара Безликого). Руны были не славянские — древние, песьи, те, что знал ещё Белый Волхв.

Земля под ногами дрогнула. Вода в озере забурлила, расступилась, открывая каменную лестницу, вымощенную гладкими валунами. Лестница вела вниз, прямо к воротам Китежа.

— Идёмте, — сказал Марк. — Только не оглядывайтесь. Если оглянетесь — вода сомкнётся, и вы останетесь там навсегда.

Он ступил на первую ступень. Вода стояла стеной справа и слева, и в той воде он увидел своё отражение, но отражение улыбалось чужой улыбкой. Он отвернулся и пошло быстрее.

Завид и Свист шли следом, Молчун — немой — замыкал. Ступени были скользкими, покрытыми слоем слизи, но не холодными — тёплыми, словно озеро было живым существом, которое пропускало гостей внутрь себя.

На дне озера воздух был — не вода, а настоящий воздух, только плотный, влажный, с привкусом мёда и старого мёда. Небо (вернее, поверхность воды) серебрилось далеко вверху, пропуская приглушённый свет луны. Марк понял, что на поверхности уже ночь — они шли по лестнице несколько часов.

Китеж встречал их тишиной. Улицы были пусты, но не заброшены: на окнах висели свежие наличники, на дверях — рушники. Кто-то жил здесь, но не люди. Берегини, хранительницы града. Марк видел их краем глаза — мелькали белые силуэты за углами, слышал шёпот: «Пришли, пришли, зачем? Свечу забрать? Не отдадим».

— Мы не забирать, — громко сказал он, обращаясь к пустоте. — Мы защитить. Кощеев человек идёт за ней.

Шёпот стих. А потом одна из берегинь проявилась — девушка в белом платье, с распущенными волосами до пят, с лицом, похожим на маску из берёсты. Без глаз, без рта, только два отверстия, из которых сочился свет.

— Свеча в храме, — сказала она голосом, похожим на звон колокольчика под водой. — Но туда нельзя. Вход только для чистого сердцем. А вы — не чистые. Вы убили. Вы лгали. Вы хотели.

— Не отрицаю, — ответил Марк. — Но я не возьму свечу. Я её зажгу по-новой. Обряд Сварожьего круга.

Берегиня замерла. Потом её лицо треснуло — и из трещины пошёл пар.

— Обряд забыт. Семьсот лет никто не зажигал свечу заново. Если ты ошибешься — свеча погаснет навсегда.

— Не ошибусь.

— Тогда иди. Но если умрёшь — станешь навией навсегда. Ни перерождения, ни упокоения.

Марк кивнул и пошёл к главной площади, где высился

храм. Храм был рублен из лиственницы, без единого гвоздя, и свет исходил не из окон — сквозь стены, словно дерево стало стеклом.

Внутри храма не было икон, не было резных алтарей. Только круглый зал, в центре которого на каменной плите стояла Неугасимая свеча. Она была величиной с младенца, из чёрного воска, и горела белым пламенем без тени. Воздух вокруг неё дрожал, и тот, кто смотрел на пламя дольше мгновения, видел не огонь, а грядущее.

Марк увидел: Осиново, объятое огнём. Бабку Ульяну с перерезанным горлом. Марфу, которая ползёт по грязи, а за ней — Безликий, и в руке у него свеча, только чёрная, не горящая, а дымящаяся чёрным жиром. Он зажмурился, чтобы не видеть дальше.

— Не смотри, — сказал Завид. — Это морок.

— Это не морок, — возразил Марк. — Это возможное. Которое станет реальным, если мы проиграем.

В этот момент сзади раздался звук. Шаги. Не их — чужие, слишком частые, будто шло много ног, но все принадлежали одному телу.

Из тени вышел Безликий.

Марк ожидал увидеть упыря — сгорбленного, с клыками и свалявшейся шерстью. Но Безликий был красив. Высокий, стройный, одетый в чёрные доспехи из рыбьей чешуи (чешуя светилась, как у водяного). Лицо — человеческое, гладкое, без единой морщины, но без рта, без носа, только два глаза.

Глаза были пустыми, как небо перед грозой. В них ничего не отражалось.

— Отдайте свечу, — сказал Безликий. Он не открывал рта — звук шёл отовсюду, от стен, от пола, от самого воздуха. — Вы всё равно умрёте. Я пришёл не убивать. Я пришёл забрать по праву. Кощей старше вас в тысячу раз. Он помнит, как Сварог ковал землю. У него больше прав на этот огонь, чем у Рода.

— Род не даёт прав по старшинству, — ответил Марк, перекрывая голосом дрожь. — Род даёт право по действу. Ты служишь тьме. А свеча — это свет.

— Свет? — Безликий рассмеялся — заунывно, как ветер в печной трубе. — Света не существует. Есть только тьма разной плотности. Я покажу тебе.

Он шагнул. Марк взмахнул топором, но Безликий даже не увернулся — лезвие прошло сквозь него, как сквозь туман. Потому что у Безликого не было тела. Была только ипостась — сгусток Нави, принявший человеческий облик.

— Тебя нельзя убить железом? — спросил Завид, сжимая свой молот.

— Нельзя. Но вы можете меня задержать. Правда, ненадолго.

Безликий щёлкнул пальцами. Из углов храма полезла мелюзга — бесы, мелкие, с острыми зубами, с крыльями летучих мышей. Они накинулись на кузнеца и охотников, впиваясь в руки, в лица, вырывая клочья кожи.

— Завид, держи круг! — крикнул Марк. — Свист, стреляй!

Свист выхватил лук, но бес вырвал ему тетиву. Молчун беззвучно заорал и начал бить бесов голыми руками, ломая им хребты. А Марк шагнул к свече.

Он знал обряд Сварожьего круга. Бабка Ульяна учила его на случай, если однажды понадобится. Нужно было трижды обойти свечу противосолонь (против движения солнца), произнести девять заветных слов, а потом вонзить в воск осиновый кол — не чтобы погасить, а чтобы перезажечь. Но кол должен быть из того самого осинового дерева, которое росло на Калиновом мосту.

Он достал кол из-за пазухи. Заострённый, с выжженными рунами. И начал обход.

Первый круг. Бесы заверещали громче, пытаясь его сбить. Марк чувствовал, как они впиваются в ноги, но не останавливался. Второй круг — Безликий двинулся к нему, протянул руку без пальцев (рука была гладкой, как кусок мыла). Марк увернулся. Третий круг — слова сами слетели с губ:

— Коло Сварожье, огонь первородный, гори не для смерти, гори для свободы. Кто взял тебя тьмой — верни светом. Кто погасил — зажги заново.

Он вонзил кол в свечу.

На мгновение всё замерло. Бесы застыли в воздухе. Безликий остановился в шаге от Марк. А потом свеча… погасла.

— Ты ошибся, — прошептал Безликий. — Ты убил её.

Теперь наступит вечная ночь.

Но Марк улыбнулся. Потому что знал: чтобы зажечь заново, нужно сначала погасить. Как кузнец тушит раскалённое железо в воде, чтобы закалить.

Из погасшей свечи пошёл дым. Дым поднялся к потолку, свернулся в спираль — и взорвался светом. Белым, живым, ослепительным. Свеча загорелась снова, но уже другим пламенем: сине-золотым, с искрами, которые летели во все стороны.

Каждая искра попадала в беса. Бесы взвизгивали и рассыпались в прах. Безликий закричал — впервые у него появился рот, широкий, чёрный, полный червей. Рот разверзся, и из него хлынула тьма, но свет свечи сжигал тьму на подходе.

— Ты заплатишь, — прохрипел Безликий, исчезая. — Ты заплатишь не своей смертью. Смертью того, кого любишь.

Он растворился, оставив на каменном полу только мокрую тень, которая медленно впиталась в трещины.

Марк стоял у свечи, тяжело дыша. Завид лежал на полу, весь искусанный, но живой. Свист перевязывал ему руку своей рубахой. Молчун сидел в углу и смотрел в стену пустыми глазами — он потерял много крови, но не умер.

— Ты сделал это, — сказал Завид, улыбаясь сквозь разбитые губы. — Ты перезажёг свечу. Кощей не получит её.

— Не получит, — согласился Марк. — Но Безликий ушёл. А это значит, что он вернётся. Не сюда — в Осиново. К моим.

— К твоим? У тебя же ни жены, ни детей.

Марк промолчал. У него была невеста — Ведана, дочь Гундосого. Девушка, которая ждала его дома. Та, которую он не назвал вслух, потому что боялся: если враг узнает её имя — украдёт быстрее, чем свечу.

— Идёмте назад, — сказал он. — Быстрее, пока Безликий не опередил.

Они вышли из храма, поднялись по каменной лестнице. Вода сомкнулась за ними, и Китеж снова ушёл на дно. Озеро Светлояр снова стало гладким, как зеркало.

***

Обратный путь всегда короче, но тяжелее. Уходишь из дома — ноги сами несут, словно земля помогает. Возвращаешься — каждый шаг как пудовая гиря. И ещё эта память: Безликий сказал, что Марк заплатит смертью того, кого любит.

Ведана. Гундосого дочь, девка с русыми косами до пояса, глазами цвета болотной ольхи. Она умела заговаривать раны мёдом и дёгтем, знала, какой гриб сушить от простуды, а какой — от сглаза. Год назад они обменялись венками на Купалу, и считались женихом и невестой. Свадьбу отложили до Покрова — чтобы молодым легче зимовалось.

Теперь Марк молился всем богам, чтобы Безликий не успел.

— Марк, дай передохнуть, — захрипел Свист. Охотник нёс на себе Завида — кузнец раскроил бесу череп, но сам

получил глубокую рану в плечо; кровь текла, хоть затыкай мохом.

— Нельзя. Безликий ушёл из Китежа раньше нас. Он мог выбрать короткую дорогу — через Навью тропу, под землёй. Мы идём по Яви, а он по Нави. Он будет в Осинове раньше на сутки.

— А если мы пойдём по Нави?

— Тогда не вернёмся. Люди там — как свечи на ветру. Погаснем.

Молчун, немой, тронул Марк за плечо. Показал рукой на восток — там, за Чёрным Бором, алела заря. Не утренняя — красная, как от пожара. Но горело не небо — земля.

— Что это? — спросил Свист.

— Знамение, — выдохнул Марк. — Морена разбудила кровавые болота. Там, где наша тропа. Мы не пройдём. Придётся через Лешего проситься другой дорогой.

Леший ждал их на том же месте, где взял плату с Молчуна. Сидел на пеньке, нога на ногу, и грыз еловую шишку, как семечку. Увидел путников — ухмыльнулся. Лицо его на этот раз было медвежьим, с влажным носом и клыками.

— Вернулись, — сказал он с присвистом. — А где мой должник? А, вон, немой стоит. Молодец, слова не проронил. А ты, плотник, свечку перезажёг? Молодец. Но Безликий-то ушёл. Я его чувствую под землёй, как крота. Бежит быстро. Через час будет у вашей деревни.

— Проведи нас короткой тропой, — попросил Марк. —

Нам нужно успеть.

— Короткая тропа — через Волчью пасть. Это овраг, где мои волки живут. Они меня слушаются. А вас — нет. Если я вас проведу, они не тронут. Но плата — дороже.

— Что хочешь? — спросил Завид, морщась от боли.

— Хочу первый крик новорождённого. Того младенца, что родится в Осинове этой зимой. Его крик — он сладкий, как берёзовый сок, и горький одновременно. Я хочу его услышать. А вы должны принести мне этот крик в засушенном виде. Засушить крик можно только в полночь на Коляду, в стеклянном сосуде.

— Это невозможно, — сказал Марк. — Никто не засушивал крик со времён пращуров.

— А ты попробуй, — оскалился Леший. — Или идите своим путём. Через болота. Там вас Морена сожрёт на завтрак.

Марк посмотрел на товарищей. Завид кивнул — выкрутимся. Свист пожал плечами. Молчун сжал кулак — жест, означавший «да».

— Договорились, — сказал Марк. — Но если младенец умрёт до Коляды?

— Тогда вы придёте в мой бор навсегда. Я сделаю из вас деревья. Красивые, с человечьими лицами. Птицы будут садиться на ветки-пальцы и гадить вам в волосы.

Леший хлопнул в ладоши. Земля под ногами разверзлась, открывая узкий лаз, пахнущий волчьей шерстью и прелой

листвой. Они полезли.

Овраг был глубоким, с отвесными стенами, обросшими мхом и папоротником. Внизу — ни ручья, ни грязи, только серая пыль, в которой отпечатывались волчьи следы. Следы были свежие — и очень крупные. Лапа размером с тарелку.

— Волки Лешего — не простые звери, — прошептал Марк, хотя шептать здесь было страшнее, чем кричать: тишина казалась живой. — Они из Нави. У них глаза горят зелёным, а шерсть на спине — как иглы дикобраза. Один такой может разорвать лошадь пополам.

— А их много? — спросил Свист.

— Стая. Волк-вожак размером с телёнка. Имя ему — Глот. Он не кусает — он откусывает целиком.

Они прошли пол-оврага, когда послышалось дыхание. Тяжёлое, с рыком. Завид вскинул молот, но Марк перехватил его руку.

— Не зли. Мы идём по договору. Леший сказал — не тронут.

— А если Леший врёт?

— Он не врёт. Он исполняет буквально. «Не тронут» — значит, не укусят. Но могут облизать. Или напугать.

Из тени шагнул волк. Огромный, чёрный, с зелёными глазами, горящими как угли. Он подошёл к Марку, ткнулся носом в пах (плотник похолодел), потом лизнул его руку. Язык был шершавым, как наждак, и оставил на коже красный след — не ранку, просто ожог.

Волк зарычал — но не угрожающе, а скорее вопросительно. Марк понял: он спрашивает, есть ли у них еда.

— Нет, — сказал он. — Мы сами голодные.

Волк фыркнул и ушёл в темноту. За ним — второй, третий, десятый. Глаза горели в полумраке, как звёзды на чужом небе. Стая пропускала путников, но провожала взглядами до самого выхода из оврага.

Когда они выбрались на поверхность, солнце уже стояло низко — близился полдень. Но в Осинове полдень опасен. В полдень полудницы выходят изо ржи.

Осиново лежало впереди, за перелеском. Марк уже видел дымок над трубами — свои, родные. И вдруг понял: слишком тихо. Ни лая, ни петухов, ни детского плача. Тишина, как в храме Китежа.

— Опоздали, — прошептал Свист.

— Нет, — ответил Марк. — Тишина — это не смерть. Это полудница. Она накрыла деревню мороком, чтобы никто не вышел. Безликий внутри — один. Он не убивает всех, ему нужна только свеча. Но свеча осталась в Китеже, а ему нужна… замена.

— Какая замена?

— Жертва, чтобы создать новую свечу. Из человеческого жира и костей. Слышал про свечу из мёртвого?

Завид перекрестился. Свист побледнел.

Они вошли в деревню. Ворота были распахнуты, на земле — брошенная прялка, опрокинутое ведро с водой. На крыль-

це дома старосты сидела полудница. Белая дева в белом, с длинными руками и лицом, похожим на цветок льна — бледным, с пустыми глазами.

— Здравствуй, плотник, — сказала она тихо. — Твоя невеста — в доме. С ней тот, кто без лица. Он ждёт тебя.

— Пусти, — попросил Марк.

— Не пущу. Ты должен ответить на мой вопрос. Какой вопрос — не знаю. Я их задаю разные. Сегодня: Что тяжелее — потерянная любовь или ненайденная?

Марк замер. Это была ловушка. Если ответит «потерянная», полудница скажет: «Тогда иди и теряй». Если «ненайденная» — «тогда ищи вечно». Он знал старую хитрость: нужно ответить вопросом на вопрос.

— А что слаще — мёд, который украл, или мёд, который подарили?

Полудница моргнула. Её белое лицо треснуло, как яичная скорлупа.

— Хитёр, — сказала она. — Проходи. Но помни: ты ответил не на вопрос. Значит, я заберу у тебя что-то, когда ты выйдешь. Что — узнаешь потом.

Она отодвинулась, и дверь в дом старосты открылась.

Внутри было темно. Марк зажёг свою чёрную свечу (ту, что осталась после бабки Ульяны). Пламя осветило красный угол — чуры стояли на месте, но их лица были стёрты, как старые монеты. На лавке сидел Гундосый, связанный, с кляпом во рту. Глаза его были полны слёз.

Посреди горницы стоял Безликий. Теперь он выглядел иначе — не красавцем в чешуе, а полупрозрачным столбом дыма, в котором угадывались черты. Потому что он еще не до конца проявился в Яви. Ему нужна была жертва, чтобы обрести плоть.

— Ведана, — сказал Марк.

Она лежала на печи, без сознания. Лицо белое, на шее — синий след, как у бабки Ульяны. Но жива. Ещё жива.

— Я ждал тебя, — произнёс Безликий голосом, который теперь звучал не отовсюду, а из дымного рта. — Ты перезажёг свечу. Это смело. Но ты забыл: свеча горит только в храме. Кощею нужна свеча здесь, в Яви. Я сделаю новую. Из жира твоей невесты. Её кости растолку, смешаю с воском и смолой. Будет гореть семьдесят семь ночей. Этого хватит, чтобы Кощей нашёл иглу и переплавил её.

— Не дам.

— Ты не можешь меня убить, — усмехнулся Безликий. — Ты уже пробовал. Топор прошёл сквозь меня. Железо бессильно. Серебра у тебя нет. Святая вода не поможет. Я — Безликий. У меня нет формы, значит, нет уязвимости.

Марк вспомнил, чему учила бабка Ульяна. Безликого нельзя убить, но можно изгнать. Нужно дать ему имя. Любое имя, но не своё. Если он примет имя — он станет тем, чьё имя принял, и обретёт плоть. Тогда его можно будет убить.

— Я знаю твоё имя, — сказал Марк.

— Моего имени нет. В этом суть.

— Есть. Его тебе дал Кощей, когда создавал. Ты — Кривда. Ты — ложь, принявшая облик. Ты — отражение чужого страха.

Безликий замер. Дым заколебался.

— Не называй меня так, — сказал он, и впервые в его голосе послышалась неуверенность.

— Кривда, — повторил Марк. — Я тебя вижу. Ты — не посланец. Ты — самозванец. Кощей послал тебя, потому что ты — его единственный слуга, который не боится света. Но ты боишься имени. Имя тебя свяжет. Кривда!

Безликий закричал. Его дымная форма начала уплотняться, обретать очертания. Показалась голова — человеческая, но с провалами вместо глаз, с узкой щелью рта. Показались руки — длинные, костлявые, с шестью пальцами на каждой. Он падал на пол, корчился, пытался выскользнуть из имени, но Марк продолжал:

— Кривда! Кривда! Трижды произнёс — ты закреплён.

Безликий — теперь уже Кривда — встал на ноги. Его лицо обрело черты: нос крючком, подбородок скошен. Он стал похож на дряхлого старика с рыбьими глазами.

— Я убью тебя, — прохрипел он.

— Попробуй, — сказал Марк и выхватил не топор, а осиновый кол — тот самый, которым перезажигал свечу. На колу остались следы огня.

Он ударил. Кривда попытался уклониться, но теперь у него было тело — медленное, неуклюжее. Кол вошёл в грудь,

чуть выше сердца. Брызнула чёрная кровь, пахнущая гнилью и серой.

Кривда упал на колени. Изо рта у него полезли черви — белые, жирные.

— Ты… заплатишь… — прошептал он. — Не я… другой…

Он рассыпался в прах. В доме стало светло — раздвинулись тучи, солнце ударило в окна. Гундосый замычал сквозь кляп. Марк развязал его.

— Жива? — спросил староста, кивая на печь.

— Жива.

Ведана открыла глаза. Увидела Марка — и заплакала. Он обнял её, чувствуя, как дрожит её тело.

— Я боялась, — сказала она. — Он говорил, что вырвет моё сердце и сделает из него светильник.

— Не вырвет. Я его убил.

— На время, — раздался голос из красного угла. Марк обернулся. Один из чуров — столбик с лицом пращура — раскололся, и из него засочилась смола. Древний голос, деда Марка, зашептал: — Безликого нельзя убить, внук. Ты развеял его в Нави. Он соберётся через год. Или через десять лет. Но вернётся. И свеча… свеча в Китеже горит, но Кощей знает, как до неё добраться. Ты отстрочил конец, но не отменил.

Той же ночью Марк сидел на завалинке своего дома, который ещё не достроил (из-за похода бросил). Рядом сидела

Ведана, положив голову ему на плечо. На небе горели звёзды — ярко, как никогда. Казалось, что Сварог зажёг их заново.

— Марк, — сказала она. — А что теперь?

— Теперь — жить. Свадьбу сыграем на Покров, как договаривались.

— А Леший? Обещание про крик младенца?

— Где мы возьмём новорождённого? — он горько усмехнулся. — Никто в Осинове не рожал уже два месяца.

Ведана покраснела. Отодвинулась.

— Я… я хотела тебе сказать. Ещё до того, как ты ушёл. Я беременна. Только не знала, как сказать.

Марк замер. Потом медленно повернулся к ней.

— Ты… правда?

— Правда. Рожать на Масленицу. А крик младенца… мы засушим. Я знаю как. Бабка Ульяна научила. Стеклянный сосуд я спрятала в погребе.

Он обнял её, и впервые за много дней рассмеялся. Не от радости — от облегчения. Судьба дала ему шанс расплатиться, не теряя любви.

Но где-то далеко, в Рипейских горах, в пещере, куда не доходит солнечный свет, Кощей Бессмертный открыл глаза. Его скелетное лицо не выражало эмоций, но костлявые пальцы сжались в кулак.

— Кривда погиб, — прошептал он. — Но я найду другого. А пока… пусть плотник радуется. У него будет сын. А у сына — голос, которым можно зажечь новую свечу. Или погасить

старую.

Он повернулся к стене, где висела карта на человеческой коже. На карте горела точка – Осиново

Гл.2 Крик на Коляду

Осиново зимой выглядело так, будто его вырезали из одной кости. Избы присыпало снегом по самые окна, трубы дымили ровными столбами — ветра не было уже третью неделю. Мороз стоял такой, что птицы падали с насестов замертво, и их приходилось отогревать в печах. Петухи не пели по утрам — берегли дыхание.

Марк проснулся от того, что Ведана ворочалась. Живот у неё уже округлился, и спать на спине она не могла — давило на спину. Срок был на Масленицу, через две седмицы, но бабка Ульяна сказала: «Может и раньше. Дети плотника — всегда раньше. Им не терпится увидеть топор отцовский».

— Опять он бьётся, — прошептала Ведана, кладя его руку себе на живот. Марк почувствовал толчок — сильный, будто изнутри пинался не младенец, а бесёнок. — Твой сын, Марк. Непоседа.

— А может, дочка, — улыбнулся он в темноту. — Девки тоже непоседы.

— Дочка будет тихой. Я знаю.

Печь дышала жаром, но Марк всё равно зяб. Не телом — душой. Прошло полгода с тех пор, как он убил Безликого (Кривду). Полгода, как перезажёг свечу в Китеже. Полгода, как пообещал Лешему крик новорождённого на Коляду.

А завтра — Коляда. Самый короткий день в году, когда солнце умирает и рождается заново. Ночь, когда навьи ходят по земле свободно, и даже обереги слабеют.

— Ведана, — сказал он. — Ты приготовила сосуд?

— В погребе. Стеклянный, с пробкой из осиновой коры. Я его заговаривала три ночи подряд.

— А как засушить крик? Бабка Ульяна научила?

— Научила. Нужно, когда младенец закричит в первый раз, собрать его крик в ладони — как собирают текучую воду. А потом зажать ладони над горлышком сосуда. Крик перетечёт в стекло, как мёд. И затвердеет. Тогда сосуд можно закупорить.

— И что потом? — Марк не спрашивал из праздного любопытства — ему предстояло нести этот крик Лешему через Чёрный Бор, и он должен был знать, с чем идёт.

— Потом крик будет звучать, если сосуд открыть. Но ты не открывай. Леший захочет услышать — он сам откроет. А ты отдашь и не гляди. Говорят, тот, кто увидит крик глазами, оглохнет навсегда.

Они замолчали. В углу заскреблась мышь. Марк поднялся, подбросил в печь два полена. Пламя лизнуло сухую сосну, и по избе разбежались золотые зайчики. Красный угол блеснул: новые чуры — вырезанные Марком взамен тех, что сломал Безликий — смотрели на него спокойными деревянными лицами.

Деды, храните нас, — подумал он.

Но чуры молчали. И это было плохо.

Под утро, когда небо за окнами начало сереть (на Коляду рассвет наступает только к девяти, а смеркается уже в три), кто-то постучал в дверь. Три удара. Коротких. Ровных. Не человеческих — у человека костяшки пальцев щёлкают иначе.

Марк взял топор (с тех пор не расставался с ним даже в постели), подошёл к двери.

— Кто там?

— Пусти погреться, хозяин, — голос был скрипучим, как снег под ногами. — Замёрз я. Иду из дальних мест. Спешу на Коляду к своим.

— У своих ночуют, а чужих в Осинове на ночь не пускают. Таков закон.

— А я не чужой. Я — твоя судьба.

Марк открыл дверь. На пороге стоял старик. Очень старый, ниже ростом, чем хороший пень, весь в белом — не то в тулупе, не то в инее, который нарос на теле слоем в палец. Борода — сосульками, глаза — голубые, но не от цвета, а от того, что зрачки почти слились с белками. Такие глаза бывают у слепых. Или у мертвецов.

— Заходи, — сказал Марк, не опуская топора.

Старик вошёл, не оставляя следов. Прошёл к печи, сел на лавку, закашлялся. Изо рта вылетели не облачка пара, а мелкие льдинки.

— Чаю бы, — попросил он. — С мёдом.

Ведана подала ему кружку. Старик взял её, отпил — чай остыл в его руках мгновенно, покрывшись коркой льда.

— Ты кто? — спросил Марк.

— Я — Морок, — ответил старик и улыбнулся. Улыбка была страшной, потому что губ не было — только дёсны с редкими чёрными зубами. — Я служу Кощею. Но не думай, плотник, я не убивать пришёл. Я просто… посмотреть.

— Посмотреть на что?

— На твою невесту. И на её живот. Говорят, там мальчик. А мальчики, рождённые в ночь на Коляду, могут видеть навь. И разговаривать с мёртвыми. Такому мальчику цены нет. Кощей хочет его купить.

— Мой сын не продаётся, — рявкнул Марк.

— А если не продастся — украдут, — ласково сказал Морок. — Я не ворую. Я только показываю лица. Знаешь, как я краду лица у спящих? Подхожу, дышу на них своим дыханием, и лицо становится гладким, как яйцо. Ни глаз, ни рта, ни носа. Человек живёт, но есть не может — нечем. Кричать не может — нечем. А через три дня умирает. От тоски.

Ведана отшатнулась, прижала руки к животу.

— Не трожь его, — прошептала она.

— Не трону, — Морок поднялся. — Я только предупредить. В ночь на Коляду придёт истинный гость. Не я — другой. Тот, кто не просится, а входит. Берегите лицо младенца. И своё. Когда он придёт, не смотрите ему в глаза. И не зовите по имени — у него нет имени, пока он не украдёт чужое.

Старик направился к двери. Марк заступил ему путь.

— Зачем ты пришёл? Не для того, чтобы предупредить. Ты от Кощея.

— Кощей послал меня посмотреть. Я посмотрел. Теперь — скажу ему: «Дитя хорошее, здоровое, возьмём». А ты, плотник, готовься к торгу. Не будет торга — будет бой. И в том бою ты проиграешь, потому что ты — живой, а против тебя пойдут мёртвые. Много. Мёртвая рать.

Морок вышел за порог, и дверь за ним не закрылась — впустила клубы морозного воздуха. Марк выглянул: старика и след простыл, только на снегу — ни отпечатка, только синеватая пыльца, которая тут же улетела ветром.

Марк собрал мужиков в доме Гундосого. Староста за зиму осунулся, но голос остался таким же гнусавым и властным.

— Значит, так, — сказал Марк. — Кощей хочет моего сына. Морок был только лазутчиком. В ночь на Коляду придёт кто-то пострашнее. Нужно ставить охранительные круги вокруг всей деревни.

— Это как? — спросил кузнец Завид, у которого плечо зажило, но остался глубокий шрам. — Обычно на Коляду мы водим хороводы, жжём колесо, пугаем нечисть песнями. Этого мало?

— Мало, — ответила бабка Ульяна, которую принесли на санях — сама она уже не ходила после удара Безликого. — Против мёртвой рати нужны красные нити. Опутать ими всю деревню по периметру, через каждые две сажени — кол оси-

новый. А на воротах — знак Алатыря. И соль. Много соли. Соль нечисть не любит, жжёт им кожу.

— Где взять столько соли? — Свист (Молчун, немой, сидел рядом и просто кивал). -У нас на всю деревню -полпуда.

— У меня есть, — сказала Ведана, которая пришла с Марк. Её не хотели пускать на сход, но она настояла. — Я ещё с осени копила. Думала, пригодится на роды. Но если нужно защитить деревню — берите.

Мужики заспорили: солить околицу или беречь для еды? Гундосый стукнул посохом.

— Молчать! Берём соль Веданы. Рожать будем с молитвой, а не с солью. А ты, плотник, — он повернулся к Марку, — должен сходить к Лешему. Попросить его о помощи. Мы ему крик обещали, так пусть и поможет до того, как крик получит.

— Он не поможет, — возразил Марк. — Леший не вмешивается в дела людей до уплаты.

— Попроси. Может, даст волков своих. Волки против мёртвой рати — хорошая подмога.

Марк пошёл в Чёрный Бор один. Завид вызывался с ним, но плотник сказал: «Леший не любит, когда двое. Решит, что мы идём его убивать. Примусь — тогда уже точно не договоримся».

Он шёл на лыжах, сбитых из ясеня, и мазал их смолой, чтобы не скользили вверх. Бор встретил его тишиной — даже дятлы не стучали. Деревья стояли голые, но Марк знал:

под снегом их корни живы и могут утянуть в землю за минуту.

— Леший! — крикнул он. — Выходи, есть дело!

Ни звука. Тогда Марк снял шапку, поклонился на четыре стороны.

— Хозяин леса, прошу тебя. Прими мою дань заранее. Я принесу крик новорождённого в ночь на Коляду. Но до этого — помоги. Мёртвая рать Кощея идёт на Осиново. На мою жену. На моего сына.

Треск. Соседняя сосна накренилась, и из её ствола, как из двери, вышел Леший. Зимний Леший — белый, как берёста, с инеем вместо бровей, с глазами, похожими на замёрзшие клюквы. Он был меньше ростом, чем летом, и злее.

— Знаю, — сказал Леший, выдыхая пар. — Чую мёртвых. Они идут из-под земли. Ты не остановишь их осиновыми кольями, Марк. Мёртвая рать — это души, которые не нашли покоя. Их нельзя убить — можно уговорить. Или обмануть.

— Как обмануть?

— Поставь на околице пустые гробы. Открой крышки. Мёртвые увидят — подумают, что это для них. Залезут внутрь. А ты гробы — хлоп! — и заколоти. Не все, но многие.

— А где взять гробы?

— У вас в Осинове есть гробовщик — Кузьма. Он сделает. Но предупреди: гробы должны быть без единого гвоздя. Только на шипах. Железо мёртвые чувствуют и не лезут.

Леший помолчал. Потом добавил:

— Я не пойду с тобой. Моё дело — лес. Но волков я дам. Трёх. Привяжи им на шеи лоскуты красной материи — чтобы свои не перепутали. Волки будут рвать мёртвых, но живых не тронут. Если не тронут их первыми.

Он свистнул. Из чащи вышли три волка — серые, с зелёными глазами. Такие же, как в овраге Волчья пасть, но помельче. Они сели перед Марк, как собаки.

— Спасибо, — сказал плотник.

— Не благодари. Плата — крик. Принесёшь — хорошо. Не принесёшь — я сам приду за твоим лицом. Как тот, кого ты зовёшь Мороком. Мы, древние, умеем красть не только крики, но и лица.

Леший исчез, втянувшись обратно в сосну. Марк погладил волков по загривкам — шерсть была жёсткой, но тёплой. Они пошли за ним, как привязанные, не отставая и не нападая.

Кузьма-гробовщик жил на самом краю Осинова, почти за околицей. Дом у него был странный: без окон, с одной дверью, выкрашенной чёрной краской. Марк, что Кузьма спит в гробу, чтобы привыкнуть. И что может разговаривать с мертвецами до того, как они умрут.

Марк постучал. Дверь открылась сама. Внутри горела лучина, и при её свете были видны десятки гробов — больших и малых, детских и взрослых, некоторых уже покрытых резьбой, других — просто сосновых ящиков.

Кузьма сидел в углу за верстаком и строгал доску. Ростом он был маленький, сутулый, с пальцами, похожими на корни. Никто не знал, сколько ему лет — говорили, что он помнит ещё Мономаха.

— Знаю, зачем пришёл, — сказал Кузьма, не оборачиваясь. — Мёртвая рать. Гробы без гвоздей. Три десятка штук хватит?

— Откуда ты знаешь?

— Мне дед сказал. А ему — его дед. У нас, гробовщиков, связь с Навью. Мы раньше всех узнаём о смерти. И о воскрешении. Рать Кощея — это воскрешённые, их души сорвали с нитей Макошь. Они злые. Их нельзя хоронить — только заколачивать.

Кузьма встал, прошёлся между гробами.

— Дам. Но не бесплатно. Ты мне принеси уголь из печи Сварога. Маленький кусочек. Говорят, он упал в наши края позапрошлой грозой. Лежит на Лысой Горе. Добудь — получишь гробы.

— У нас нет времени искать уголь, — вспылил Марк. — Рать придёт сегодня ночью!

— Сегодня ночью? -Кузьма поднял бровь. — Нет, плотник. Рать придёт завтра. В ночь на Коляду. У тебя есть сутки. Лысая Гора — час езды на санях. Успеешь.

— А если не успею?

— Тогда будешь хоронить своих друзей в простых гробах. С гвоздями. И мёртвые их выроют. Выбирай.

Марк скрипнул зубами. Оглянулся на дверь, за которой его ждали волки.

— Я добуду уголь. Но ты сделай гробы пока меня нет. Вечером я вернусь — и они должны стоять на околице.

— Будут. Иди.

Лысая Гора зимой выглядела не страшнее обычного холма. Снег сдувало с её вершины ветрами, и она чернела среди белого поля, как лысина среди волос. Ни одного дерева, ни кустика. Только камни, поросшие седым лишайником, и воронки от пожаров — ведьмы жгут здесь костры на каждое равноденствие.

Марк оставил волков у подножия — они заскулили, не желая идти выше. Полез один. Снег был утоптан, но не людьми — нежитью: следы босых ног с длинными пальцами, отпечатки ладоней (кто-то ползал на четвереньках), россыпь чёрных перьев (вороньи, но в три раза крупнее обычных).

На вершине его встретило становище. Круг из чёрных камней, в центре — остатки кострища, ещё тёплые. Кто-то жёг огонь здесь сегодня утром. Марк нагнулся, покопался в золе — и нашёл. Уголь. Не чёрный, а красный, с прожилками золота. Горячий, хотя огня не было. Он взял его двумя пальцами — уголь не обжёг, а нагрел руку приятным, живым теплом.

— Положи на место, — сказал голос за спиной.

Марк обернулся. На камне сидела женщина. Белая, в белом, с распущенными волосами, в которых запутались сухие

листья и вороньи перья. Лицо — старое и молодое одновременно, глаза — чёрные без белков. Морена.

— Не отдам, -сказал Марк, сжимая уголь.

— Я не прошу. Я приказываю. Этот уголь — мой. Он упал с неба, когда Сварог бил молнией в мою голову. Не тебе им торговать с Кузьмой.

— Ты помогаешь Кощею. Зачем? Вы же враги.

— Мы не враги, — усмехнулась Морена. — У нас… торговля. Он получает свечу — я получаю зиму. Не вечную, но долгую. Сто лет. Рожь не взойдёт, дети будут мёртвыми рождаться. А я буду смеяться. Ты хочешь этого, плотник?

— Не хочу.

— Тогда отдай уголь.

Марк сунул уголь за пазуху. Морена вскочила, зашипела, как змея. Её руки вытянулись, пальцы стали длинными, как сосульки. Она шагнула к нему — но не дошла. Потому что между ними встала тень. Большая, лохматая, пахнущая лесом.

Волк. Тот, что был вожаком. Он вырос из снега, зарычал, оскалил пасть. На шее у него алел лоскут красной материи.

— Ты… с Лешим договорился, — прошипела Морена. — Дрянь. Ладно. Забирай свой уголь. Но помни: ночью я тоже приду. Не сама — мои трескуны. Они выходят из льда и трещат так, что у людей лопаются барабанные перепонки. У твоей жены разорвётся матка от страха. И ребёнок родится мёртвым.

Она исчезла, растаяв в воздухе, как изморозь на стекле.

Марк спустился с горы, держась за волчий загривок. Ноги тряслись. Уголь лежал на груди и грел — единственное тепло в этом мёртвом мире.

К закату Марк вернулся в Осиново. Гробы стояли на околице — тридцать штук, открытые, без гвоздей, с гладко выстроганными внутренностями. Кузьма сдержал слово. Мужики посыпали солью периметр, вбили осиновые колья, развесили красные нити. Волков пустили внутрь ограды — они легли у ворот и лежали, как изваяния.

Марк зашёл в дом. Ведана сидела у печи, шила рубаху для младенца — маленькую, белую, с вышитыми петухами по подолу.

— Не надо было ходить одному, — сказала она, не поднимая глаз. — Я боялась, что ты не вернёшься.

— Вернулся. И принёс уголь для Кузьмы. И гробы есть. И волки. И Леший на нашей стороне — почти.

— Почти?

— Завтра мы отдадим ему крик. А сегодня… сегодня я буду сидеть с тобой и не спать. Потому что ночь перед Колядой — самая тёмная. И в этой темноте ходит тот, у кого нет лица.

Он обнял её. Живот упёрся ему в грудь, и внутри опять что-то толкнулось. Сын. Или дочь. Ещё не родились, а уже стали целью Кощея.

— Марк, — прошептала Ведана. — А если родится не в

ночь на Коляду, а завтра днём? Коляда кончается с рассветом.

— Тогда крик будет не тот. Лешему нужен именно первый крик в момент, когда умирает старое солнце и рождается новое. То есть в полночь. Если младенец закричит в полночь — мы спасены. Если нет — Леший не получит плату. А значит, волки уйдут. А Морена останется.

Они сидели в темноте, слушая треск поленьев. За окном выла вьюга — не настоящая, а наведённая, с голосами. В этих голосах угадывались стоны, всхлипы, чей-то хриплый смех.

Мёртвая рать приближалась.

***

Стемнело окончательно к трём часам дня. Осиново погрузилось в синие сумерки, какие бывают только в самую короткую ночь в году — когда солнце едва коснётся края земли и снова уходит в Навь. Бабы зажгли лучины, но свет не пробивал тьму дальше собственной руки.

Марк вышел на крыльцо. Волки, трое, сидели у ворот, повернув морды на восток — откуда должен был прийти враг. Их зелёные глаза горели как свечи. Остальные мужики рассредоточились по периметру: Завид у церкви (хоть церковь и стояла пустая — поп умер летом, нового не дали), Свист с рогатиной на колокольне, Молчун с топором у кузни.

Вдруг воздух загустел. Стало тяжело дышать, как перед грозой. А потом раздался треск.

Не один звук — тысячи звуков, похожих на то, как лома-

ют сухие ветки, как трескается лёд на реке, как рассыпается стекло. Трескуны Морены.

Их было не видно в темноте, но Марк знал: это мелкие духи стужи, размером с лягушку, с длинными лапами и пастями, утыканными ледяными иглами. Они не кусали — они трещали прямо в уши, вызывая боль, головокружение, судороги.

— Заткните уши! — заорал он, но было поздно.

Из темноты вылетела первая волна. Марк почувствовал, как что-то холодное ухватилось за его ухо и затрещало прямо в барабанную перепонку. Боль была такой, что он упал на колени. Перед глазами поплыли красные круги.

Волки взвыли. Они не боялись треска — их уши были устроены иначе. Волк вожак прыгнул, щёлкнул зубами, и трескун лопнул, как мыльный пузырь, оставив на снегу лужицу воды.

— Бейте их! — крикнул Свист, выпрямляясь на колокольне. Он скинул шапку, засунул в уши клочья сена, и начал стрелять из лука. Стрелы проходили сквозь трескунов — те были полупрозрачными, как морозные узоры. Но если стрела была осиновой, трескун рассыпался.

Марк очнулся, тряхнул головой. Вырвал из подола рубахи два клочка, засунул в уши. Мир стал глухим, но зато перестал раскалываться от треска.

Он побежал к церкви, где Завид отбивался кузнечным молотом. Молот был горячим (Завид разогрел его в горне перед

выходом) — и каждое прикосновение жара испаряло трескуна с шипением.

— Держись! — крикнул Марк, хотя Завид его не услышал.

Вместе они отогнали первую волну. Снег вокруг был усеян лужицами воды — останками растопленных трескунов. Но из темноты уже шла вторая. И третья. И за ними — нечто большее.

— Они идут к гробам! — закричал кто-то с околицы.

Марк обернулся. Там, где стояли тридцать пустых гробов, тьма сгустилась в человеческие фигуры. Мёртвая рать.

Они были разными: князья в ржавых доспехах, мужики в лохмотьях, дети с пустыми глазницами. Все — серые, как старая зола, с чёрными когтями и ртами, зашитыми грубой ниткой (чтобы не проклинали живых).

Они подходили к гробам, заглядывали внутрь, и — лезли. Один за другим. Потому что мертвец всегда хочет лежать в гробу, даже если его поднял Кощей. Инстинкт сильнее приказа.

Марк насчитал десять, пятнадцать, двадцать. Гробы наполнялись. Мужики с дубинами стояли рядом, готовые захлопнуть крышки, но ждали команды.

— Рано! — крикнул Марк. — Пусть больше залезут!

Но тут один из мертвецов — крупный, в обрывках кольчуги — обернулся и посмотрел на плотника. В его пустых глазах Марк узнал лицо. Кузьма-гробовщик. Только не живой Кузьма — тот был в своей мастерской. А этот — его от-

ражение в Нави, то, что умерло в нём много лет назад, когда он выбрал ремесло.

— Ты… — прохрипело отражение. — Ты взял уголь. Он мой.

Оно шагнуло к Марку, но на пути встал волк. Зверь прыгнул, сбил мертвеца с ног, вцепился в горло. Отражение Кузьмы рассыпалось в пепел, а волк выплюнул чёрную жижу.

— Закрывай гробы! — заорал Марк, поняв, что больше не залезет.

Мужики захлопнули крышки и начали заколачивать их осиновыми клиньями. Изнутри раздались удары, скрежет, вой — мёртвые поняли, что их обманули, но выбраться не могли. Гвоздей не было, но клинья держали крепко.

Осталось десять мертвецов. Те, что не полезли в гробы. Они стояли посреди околицы и смотрели на Марка.

— Мы всё равно войдём, — сказал один, похожий на старого волхва с короной из костей. — Кощею нужен ребёнок. Младенец, рождённый в Коляду. Ты не спрячешь его. Даже в Китеж не унесёшь — вода замёрзла.

— А я и не спрячу, — ответил Марк. — Я его защищу здесь. Узлы.

Он выхватил из кармана моток красной шерсти. Быстро, как учила Ведана, завязал науз — узел, в который вплеталось желание. «Пусть мертвые не переступят порог моего дома».

Красная нить вспыхнула и исчезла, но Марк почувствовал: оберег сработал. Мертвецы отшатнулись от его избы,

обошли её стороной и направились к другим домам.

— Завид, Свист, Молчун! — крикнул он. — Защищайте соседей! Я — у себя!

Он вбежал в дом. Ведана стояла посреди горницы, держа в руках нож для резания хлеба — единственное оружие, которое осмелилась взять. Её лицо было белым, но глаза — спокойными.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Пока да. Но они идут. Я завязал узел от порога. Не пройдут.

— А через стены?

— Через стены не могут. На стенах — защитные руны. Я сам вырезал.

В этот момент стена треснула. Не дверь — именно стена, слева от печи. Доски разошлись, и в щель полезло что-то тощее, длинное, с паучьими лапами. Оно не было мертвецом в обычном смысле — это был щелкун, дух, который живёт в трещинах и питается страхом беременных.

Марк ударил топором. Щелкун лязгнул челюстями, отскочил, но не ушёл. Его лапы заскребли по стене, расширяя щель.

— Ведана, к печке! — крикнул Марк.

Она отступила к печи, прижалась спиной к тёплым кирпичам. Щелкун полез прямо на неё, но в этот момент из печи вылетела искра простая, печная, живая. Она попала щелкуну в глаз, и дух взвыл, задымился и рассыпался в труху.

Печь Сварога. Даже обычная печь, сложенная из кирпичей, обожжённых в кузне, хранит частицу того огня, который сковал землю.

— Не подходи к щелям, — сказал Марк, затыкая трещину тряпками. — Я заколочу.

Он нашёл молоток и гвозди (обычные, железные — не для нечисти, но для досок сойдут). Забил щель крест-накрест. Стена перестала дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.